
IN MEMORIAM

DOI: 10.14515/monitoring.2019.4.23

Правильная ссылка на статью:

Докторов Б. З. Изломанный, но не сломленный. Памяти социолога Леонтия Бызова // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 4. С. 429—444. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.23>.

For citation:

Doktorov B. Z. (2019) Beaten but not broken. In memory of Leonty Byzov. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 429—444. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.4.23>.

**Б.З. Докторов
ИЗЛОМАННЫЙ, НО НЕ СЛОМЛЕННЫЙ.
ПАМЯТИ СОЦИОЛОГА ЛЕОНТИЯ БЫЗОВА**

ИЗЛОМАННЫЙ, НО НЕ СЛОМЛЕННЫЙ. ПАМЯТИ СОЦИОЛОГА ЛЕОНТИЯ БЫЗОВА

BEATEN BUT NOT BROKEN. IN MEMORY OF LEONTY BYZOV

ДОКТОРОВ Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь, США
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Boris Z. DOKTOROV¹ — Dr. Sci. (Phil.), Professor, Independent Researcher
E-MAIL: bdoktorov@inbox.ru
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

---

¹ USA

28 июня 2019 г. завершилась трудная, мужественная жизнь нашего коллеги и друга Леонтия Георгиевича Бызова (1955—2019)... Он работал и сражался за жизнь до последних дней...

Л. Г. Бызов окончил экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова по специальности «Математические методы анализа экономики», в 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию по экономике по теме: «Социально-экономическое моделирование образа жизни; информация, анализ, управление». Активно занимался политической социологией, анализом общественного мнения, изучал

социокультурные процессы в современной России. Им опубликовано более 200 научных публикаций, автор и соавтор ряда монографий. Как эксперт и аналитик консультировал различные политические проекты. В 1990—1993 гг. руководил социологической службой съездов народных депутатов РФ.

С 2004 по 2008 гг. — руководитель аналитического отдела ВЦИОМ, с 2003 г. до конца жизни был старшим научным сотрудником Института социологии РАН.

В 2013 г. был награжден Золотой медалью Питирима Сорокина — высшей наградой российского социологического сообщества.

...Все произошло неожиданно, но, думаю, не случайно. Логика исторического исследования допускала такое развитие событий, и на больших выборах реализуются даже редкие события.

Наверное, многие замечали, что особенно крупные и чистые грибы, самые сладкие ягоды встречаются в лесу, когда вы уже побродили по нему немало, когда корзинки полны и думается лишь и том, чтобы поскорее вернуться домой. Так и здесь. В тот момент, когда я предложил Леонтию Бызову «поговорить о его жизни и работе», было проведено уже много интервью, и мне не хотелось затевать новые беседы. Но его ответ на мой первый вопрос убедил меня в правомерности спонтанного решения — начать еще один разговор. Было ясно, что я попал на плодородный участок леса... а сейчас я уверен в этом.

Интервью продвигалось споро, и в какой-то момент я предложил моему собеседнику сделать на базе интервью нечто более солидное. Так родилась его книга [Бызов, 2018] — искренняя, о своей жизни и о своей честной, трудолюбивой и духовно богатой семье. Благодаря отзывчивости друзей, прежде всего назову Вячеслава Игрунова, она увидела свет, и сам Леонтий незадолго до смерти смог поддержать ее в руках.

Рассказанное Л. Бызовым и является содержанием книги, но я решил не пересказывать написанное им, а привести несколько фрагментов его текста, придать всему должную документальность. Здесь три сюжета: рассказанное Леонтием о семье, в которой он вырос и в которой сформировалась его личность, описание увиденного и пережитого им в Белом доме в 1993 г., рассказ о самом трагическом в его жизни и, возможно, самом светлом — музыке.

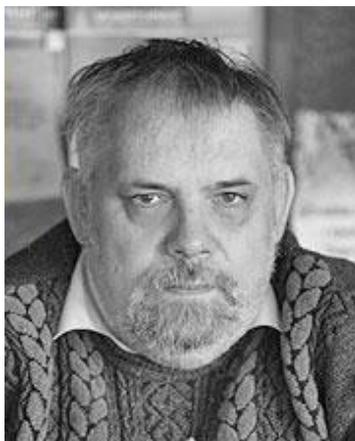
Но прежде — кратко о Леонтии Бызове и нашей беседе.

О Леонтии Бызове — моем коллеге и собеседнике

1 августа 2017 г., в преддверии дня рождения Б. А. Грушина, социолога первого призыва и первого в изучении в СССР общественного мнения, я разместил в Facebook пост «Борис, ты прав!». В нем кратко рассказывалось о моей работе над биографией Грушина — большой статье и книге о его жизни и научном наследии.

Через несколько дней появился развернутый комментарий Леонтия Бызова. Конечно же, я сразу прокомментировал эту запись: «Да, Леонтий, хорошо, что написали... такая мозаика крайне важна... не знал, что вы работали с Грушиным, да еще в “подвальный” период...». Кроме того, я написал Леонтию Бызову в «личку», что хотел бы провести с ним биографическое интервью. Он вмиг дал положительный ответ.

Поясню сказанное, процитировав нашу переписку, которая сохранилась в «личке». Сначала — мое предложение: «Леонтий, хочу предложить вам поучаствовать в моем опросе российских социологов, начатом в доисторические времена, в 2005 году. Сделанное представлено на сайте, 157 биографических интервью (http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207). Даже по вашим комментариям к моим постам о Старовойтовой и Грушине понятно, что вы многое знаете и помните». Ответ был кратким: «Пока жив, буду рад поделиться тем, что знаю и помню». Меня резанули слова «пока жив», но я удержался от просьбы разъяснить их. Мы обменялись электронными адресами, и на следующий день наше интервью по электронной почте стартовало...

Бызов Леонтий Георгиевич.

Социолог, специалист в сфере политической социологии, изучения общественного мнения

Мы с Леонтием Георгиевичем Бызовым (1955—2019) несколько раз пересекались в начале перестройки, когда он был ученым секретарем Советской социологической ассоциации, однако последние более 20 лет я ничего не знал о нем. Тем интереснее мне было начинать интервью с ним.

Давно стало традицией начинать биографические беседы с вопроса о семье респондента, о том, насколько глубоко, далеко он знает историю своего рода. Практика убедила меня в том, что такой вопрос — хороший старт для начала общения, особенно с человеком, которого раньше знал. К тому же ответ на него очень многое определяет в логике, содержании всего интервью. Здесь я вхожу в «предбиографию» респондента, которая далеко не всегда и не напрямую, но определяет характер ранней социализации человека, а значит, и геометрию его жизненной траектории.

Ответы на подобные вопросы бывают разные и во многом определяются возрастом моих собеседников и характером семьи, к которой они принадлежат. Встречалось разное: долгие, более века семейные саги и совсем короткие — обретенные войной повествования. Но ответ Леонтия Бызова в одном из отношений оказался для меня шокирующе новым. Приведу выдержки из него:

«Вопрос очень своевременный в том смысле, что только что вышел трехтомник “Бызовы. Голоса прошлого”. В нем я и моя троюродная сестра Т.А. Семенова собрали переписку из нашего рода Бызовых, начиная с 1905 г., военный дневник моего деда Леонтия Алексеевича Бызова 1917 г., воспоминания и дневники, мамини воспоминания уже прошедшего века и т. д. [...] В 1919 г. [Леонтий Алексеевич]... становится постоянным сотрудником Института социальной психологии в Москве... где собирался цвет московской и отчасти петербургской интеллектуальной элиты, зачитывались доклады и обсуждались. Бывал и Питирим Сорокин, и Бердяев, и Иосиф Покровский, и бывший министр Временного правительства Николай Некрасов (В. Голгофский) и многие другие».

Столь долгая память о предках — нечастое явление, еще реже — издание моими респондентами книг на основе писем и дневников членов семьи. Хотя и то, и другое встречалось в моих историко-биографических интервью. Но впервые в мою беседу с современниками о послевоенной российской социологии врезалась история отечественной социологии 1920-х годов, рассказанная родственником-социологом. Сказанное, думаю, объясняет, с каким интересом я знакомился с воспоминаниями Леонтия о его деде и его семье в целом. Несомненно, многие документы архива семьи Бызовых — это мечта для историков предреволюционного и раннесоветского периодов и неоценимый материал для науковедов и историков социологии. Уверен: тех, кто окунется в этот мир, в биографии людей, формировавших этот мир и живших в нем, ждут неожиданные находки и нетривиальные выводы.

Лёня Бызов. Салтыковка. 1957 г.

Во введенной мною возрастной стратификации российских социологов [Докторов, 2013] четвертое поколение социологов (1947—1958 гг. р.) — «первое по-

слевоенное» — формировалось в атмосфере, складывавшейся в СССР после смерти Сталина. XX Съезд КПСС и «венгерские события» не могли коснуться их напрямую, но освоение целины, запуск первых спутников Земли и полет Юрия Гагарина в космос, «Пражская весна» — суть составляющие той социальной атмосферы, в которой прошла их юность и ранняя молодость. Леонтий Бызов родился в 1955 г. и, следовательно, принадлежит к младшей страте четвертого — первого послевоенного поколения. Сказанное выше об атмосфере, в которой формировалась эта когорта, в полной мере распространяется и на период социализации моего собеседника, и не вообще, а до удивления конкретно. Нет смысла пересказывать содержание интервью, но считаю оправданным иногда обращаться к авторскому тексту.

Вот мой вопрос: «Перейдем к собственно биографическим вопросам. И начнем вот с такого: “Когда и как тебя вводили в прошлое семьи, ведь эта история включала такие имена и такие события, о которых до перестройки во многих семьях предпочитали молчать”». Ответ на него оказался достаточно продолжительным, но, пожалуй, его суть передают слова: «Передо мной подобные проблемы никогда не стояли. По двум причинам. Во-первых, я рос в период “оттепели”, и чувство страха мне было неведомо. И во-вторых, мама была таким человеком, который и в сталинские времена ничего не боялся (например, она осенью 1939 г. по своей инициативе вышла из комсомола в связи с «разочарованием в деятельности» этой организации), а в послесталинские — и подавно. Более того, в нашей семье постоянно даже бравировали свободными разговорами на политические темы, особенно после 1968 года...» Да и понятие «Пражской весны» было для Леонтия в высшей степени конкретным: он многое видел и обсуждал с мамой.

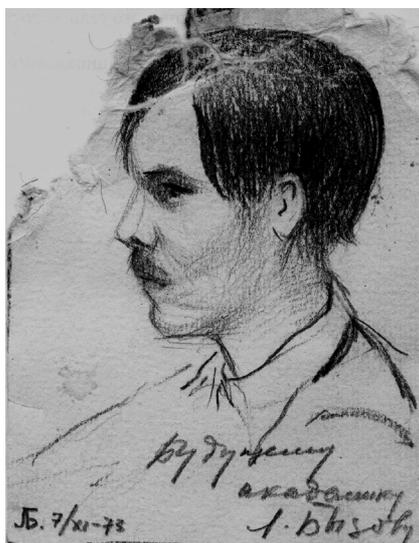

Лёня Бызов в день 13-летия. Карпаты. 13 июля 1967 г.

И вообще, годы взросления — 1960-е и 1970-е — вспоминаются Л. Бызовым как нечто светлое, давшее ему важнейшие жизненные ориентиры. Жадно набрасывался на новые книги и спектакли, в студенческие годы простаивал ночами у «таганского подъезда» и пересмотрел весь репертуар, острые разговоры на кухнях. Никакие репрессии не помешали маме, ее сестре и брату, их многочисленным друзьям прожить исключительно интересные и содержательные жизни и реализо-

вать себя на 100%. И вот ключевая фраза, объясняющая многое в деятельности уже повзрослевшего моего собеседника: «...Я убежден, забегая вперед, что эти позднесоветские времена можно было трансформировать во что-то вполне приличное и демократическое без дикого системного кризиса, без кардинальной ломки всей социальной структуры, которая вынесла наверх ту субстанцию, которая и всплывает в подобных случаях».

В 1971 г. Леонтий Бызов поступил на экономический факультет МГУ, избрав новое отделение — экономической кибернетики. Окончивший блестяще школу в Салтыковке, теперь ближнем московском пригороде, а тогда — поселке, выросший в семье небогатой интеллигенции и рано познавший демократическую атмосферу геологических партий, Леонтий не вписался, да и не стремился к этому, в достаточно элитарный круг окружавших его студентов. Даже имея серьезное, передовое по тем временам образование и прекрасно ориентируясь в культурной — музыкальной и театральной — жизни Москвы, он ощущал себя провинциальным юношей из иного сословия. Завершив образование, он не стал искать теплое место в министерских и ведомственных учреждениях, а пошел в науку на начальную позицию в иерархии академических должностей — стажер-исследователь в секторе Б. А. Грушина: «Одна комнатка в подвале, кишачая тараканами. Один телефон в коридоре. И туалет еще ниже этажом, совсем в подземелье». И когда его соученики стали во главе государства, а многие — весьма состоятельными людьми, Леонтий не изменил своим глубинным познавательным интересам и представлениям об общественном устройстве, мне кажется, во многом базирующимся на представлениях русской интеллигенции рубежа XIX и XX веков.

Портрет Лёни Бызова, набросанный художницей Людмилой Бойко в 1973 г.

А дальше жизнь Леонтия развивалась настолько стремительно и протекала в столь многослойном социокультурном пространстве, что биографическое ин-

тервью одновременно оказалось и историко-социологическим. Читая его, современный социолог и политолог (и политик) встретит множество фамилий, знакомых ему из прессы и телевидения, а равнодушный человек, который набредет на наш разговор через несколько десятилетий, сделает сказанное Л. Бызовым «путеводителем» по знаковым фигурам перестроечного и постперестроечного времени. Как рассказчик, Леонтий очень внимателен к деталям, в которых отражена социально-политическая атмосфера переходного периода, как социолог, имеющий свое понимание происходящего и свое видение движения России, он «разрешает» себе быть субъективным в оценках людей, с которыми сводила его жизнь. Можно соглашаться с ним, можно не принимать его мнение, но отвергнуть его сразу невозможно и неправомерно. Мне, человеку, давно живущему в Америке и профессионально следящему за развитием дел внутри социологии и за социально-политическими трансформациями в ельцинско-путинской России, суждения Леонтия крайне интересны.

Выше я приводил реакцию Леонтия на мое предложение поговорить о прожитом, в нем были резанувшие мое сознание слова: «Пока жив...». Вскоре после ознакомления с его воспоминаниями о событиях в Белом доме я спросил: «... Что было дальше у тебя?». И первые слова его ответа оказались шокирующими: «Дальше меня поджидала самая страшная и неожиданная катастрофа, полностью и бесповоротно изменившая мою жизнь. Я попал в автомобильную аварию, получил перелом двух позвонков и стал до конца своих дней инвалидом. Сколько раз я горько сожалел, что не погиб в Белом Доме. На миру и смерть красна» (см. ниже раздел «Катастрофа»).

Зиму 2016—2017 гг. Леонтий провел в больницах, перенес тяжелейшую и дорогостоящую операцию на спинном мозге в Институте Бурденко, а потом дома пытался восстановиться... И вот, будучи в таком состоянии, он согласился на рассказ о прожитом и сделанном.

Таким был Леонтий Бызов. Серьезный социолог и политический аналитик, культуролог и мужественный человек.

Семья — корни личности Леонтия Бызова

Приведу вопрос, с которого началась наша беседа с Л. Бызовым, а затем — его ответ.

— *Леонтий, мой долгий опыт биографического интервьюирования показывает, что очень ценную информацию о моем собеседнике я получаю из истории его имени и из рассказа о его семье. Кто наделил тебя таким нечастым именем? Возможно, оно — память о ком-либо из предков? Известно ли тебе происхождение твоей фамилии — Бызов? И вообще, насколько глубоко тебе известна история семьи?*

— Вопрос очень своевременный в том смысле, что только что вышел трехтомник в издательстве «Новый хронограф» — «Бызовы. Голоса прошлого». В нем я и моя троюродная сестра Т. А. Семенова собрали переписку из нашего рода Бызовых, начиная с 1905 г., военный дневник моего деда Леонтия Алексеевича Бызова 1917 г., мемуары и дневники, мамины воспоминания уже прошедшего века и т. д. Я почти два года сам все это набирал и сопровождал примечаниями.

Мои предки по линии Бызовых — это разночинная интеллигенция, небогатая и трудолюбивая; чаще всего это преподаватели. Сама фамилия идет от деревни «Бызовы» на Северной Двине в Емецком районе. Мой прадед Алексей Тимофеевич¹ был педагогом, преподавателем русской словесности в Гатчинском сиротском институте, у него было семеро детей. Леонтий — старший сын, второй ребенок по счету. Он с ранней юности был увлечен общественными науками, как водилось, был марксистом, особенно ценил Плеханова и Потресова, то есть скорее тяготел к меньшевикам. В 1906 году был арестован за хранение нелегальной литературы, просидел полгода, и вышел с желанием учиться дальше, и в большей степени быть ученым, аналитиком, чем политическим деятелем. Окончил юридический факультет Петербургского университета, работал присяжным поверенным, но по своим интересам все больше тяготел к социологии, читал и комментировал Тарда, Дюркгейма, Зиммеля; у меня сохранились книги с его пометками на полях. Всю Первую мировую он провоявал от звонка до звонка (до марта 18 года), дослужившись до звания штабс-капитана и командира зенитной батареи. В его военном дневнике 17 года хорошо видно, как первоначальная радость от столь желанной февральской революции стала сменяться все большей тревогой. Пугает разложение армии, происходившее у него на глазах. Он кроет последними словами Ленина («омерзительные пляски Ленина»), и на выборах в Учредительное собрание голосует за кадетов; не потому, что был их сторонником, а в расчете, что они смогут стать главным противовесом большевикам.

Леонтий Алексеевич Бызов

В 1919 г. он занимается теорией кооперативного движения, и на этой теме становится постоянным сотрудником Института социальной психологии в Москве, который пытался основать философ и социолог профессор Вениамин Хвостов. Ну, собственно говоря, не институт в полном смысле слова, а скорее, как сказали бы

¹ Бызов Алексей Тимофеевич (1859—1920) (Здесь и далее — примечания Л.Г. Бызова).

сейчас, «интеллектуальная площадка», где собирался цвет московской и отчасти петербургской интеллектуальной элиты, зачитывались доклады и обсуждались. Бывал и Питирим Сорокин, и Бердяев, и Иосиф Покровский, и бывший министр Временного правительства Николай Некрасов (В. Голгофский), и многие другие. Все протоколы этих собраний хранятся у меня. Среди нескольких постоянных сотрудников, точнее сотрудниц — учениц Хвостова по Высшим женским курсам, была и моя бабушка, Наталья Николаевна Фадеева². Леонтий Алексеевич сделал несколько ярких докладов, его исследование по распространению слухов в военное время позднее было опубликовано в Германии в журнале Леопольда фон Визе. В феврале 1920 года Хвостов повесился, после того как ему нагрубил кассир, выдававший деньги (по воспоминаниям бабушки, он испытывал все большую депрессию от тягот военного коммунизма), а в июне Леонтий Алексеевич и Наталья Николаевна поженились. После смерти Хвостова институт еще некоторое время пытался жить, но в 1923 году был окончательно закрыт. Его директором был историк Р. Виппер. Л.А. написал статью о нем, которую я опубликовал в 2011 году во ВЦИОМовском журнале под названием «Неформат. Институт социальной психологии в Москве».

Перепечатывая письма и дневники своего деда, я думаю, что поспорил бы с ним мысленно по следующим вопросам:

1. Зачем так верить К. Марксу и его теориям? А ведь это даже не обсуждалось, это было как бы само собой. А ведь уже в те годы была известна уничтожительная критика экономического учения Маркса, например, со стороны Э. Бем-Баверка, и почему никто из думающей русской интеллигенции не обратил на это никакого внимания?
2. Зачем было так торопиться со свержением самодержавия? Это тоже было само собой. А ведь в ходе естественной эволюции политический режим мог совершенно спокойно лет за 10—15 стать вполне нормальной конституционной монархией с работающими демократическими институтами.
3. Зачем надо было поддерживать, напротив, войну с немцами, когда было вполне очевидно, что ничего кроме неприятностей она нам не принесет?

Тем не менее по ряду вопросов пронизательность Л.А. просто поражает. Как здорово он раскусил большевиков, хотя потом стал вполне лояльным советским служащим, и, по воспоминаниям бабушки, только с самыми близкими друзьями запирался в своем кабинете и говорил все, что думает, в частности, что «Сталин достоин эшафота».

У нас в семье, особенно у мамы, был настоящий культ безвременно умершего моего деда. Поэтому неудивительно, что меня называли Леонтием.

Социология в стране оказалась прикрыта вплоть до времен Грушина. Леонтий Алексеевич занялся проблемами организации труда, графическими методами — его поддерживал в то время влиятельный А.К. Гастев, — в 30-е просто чудом избежал репрессий (хотя бесконечно помогал репрессированным друзьям и родственникам, которые подолгу жили в нашем доме в Салтыковке, его родная сестра Ирина была расстреляна в ноябре 1937 г. после четырех лет заключения;

² Фадеева (Бызова-Фадеева) Наталья Николаевна, 1892—1985. С 1932 г. по 1958 г. работала в Фундаментальной библиотеке АН СССР по общественным наукам (позднее — ИНИОН АН СССР), где возглавляла отдел предметного каталога.

одно время жила дочь расстрелянного маршала Тухачевского Светлана³) и умер пятидесяти пяти лет от роду в глухой башкирской деревне, куда он со всей семьей бежал от немцев в октябре 1941 г. Бабушка до глубокой старости работала в будущем ИНИОНе (тогда ФБОН), заводделом предметного каталога. Ну а ее дети, среди которых была моя мама Софья Леонтьевна Бызова⁴, все очень талантливые ученые: тетя⁵ — физик атмосферы, мама — геолог, дядя⁶ — физиолог зрения, член-корр. АН СССР, — все они в те 40-е годы, конечно, исключали для себя общественные специальности, избрать их было просто невозможно и неприлично. Как говорила бабушка, если видишь в ее библиотеке читателя с особо тупой физиономией, то это наверняка читатель философского зала. Сама же бабушка владела семью языками, и у своего учителя Хвостова писала диплом по философии Томаса Карлейля.

Но моя мама, несмотря на свою специальность, всю жизнь остро интересовалась общественными науками, политикой, сама будучи 100% советским человеком, воспитанным в полном пренебрежении материальными ценностями, в конце 40-х даже хотела убить Сталина на Первомайской демонстрации, а потом была диссиденткой, и меня вовлекла в эту деятельность; дома мы с мамой бесконечно перепечатывали самиздат и распространяли среди круга друзей, в том числе некоторое время участвовали в составлении «Хроники текущих событий». Тем более что мамина ближайшая подруга Катя Сахарова была двоюродной сестрой академика Сахарова, мы как бы принадлежали к его кругу⁷. С моим отцом Георгием Петровичем Барышниковым мама никогда не состояла в браке, у него была своя семья в Саратове, он — талантливый изобретатель сейсмической аппаратуры для газовой разведки, работал с мамой в длительной экспедиции в Албании в 1952—54 гг., где вспыхнула любовь, и родить ребенка без мужа — был ее сознательный выбор. Она ежегодно уезжала в экспедиции на четыре с лишним месяца, и в это время я был полностью на попечении бабушки.

Наша семья жила в постоянной нужде, но не в нищете. Очень много нам помогал дядя Алеша⁸, во многом заменявший отца. И мама, и бабушка как хорошие любители играли на пианино, в основном Бетховена, Моцарта, Грига, Шуберта, и я на всю жизнь сохранил любовь к классической музыке, а как-то в один сезон побывал на 180 концертах. Сегодня много переписываюсь на разных форумах, посвященных классической музыке.

³ Кузьмина Светлана Николаевна — дочь Николая Николаевича Кузьмина, ее настоящим отцом считают М. Н. Тухачевского. Ровесница (1922) и тезка другой, более известной дочери Тухачевского.

⁴ Софья Леонтьевна Бызова (1923—2010).

⁵ Бызова Наталья Леонтьевна, Ната (1921—1999), физик, метеоролог, старшая сестра С. Л. Бызовой.

⁶ Алексей Леонтьевич Бызов (1926—1998).

⁷ Мама оставила после себя обширные мемуары в семи разделах, они опубликованы в третьей книге «Бызовых», где сама подробно и откровенно рассказала о своем отношении к власти, диссидентской деятельности и проч. Мой дядя, младший мамин брат, известный нейрофизиолог, в 1977 году открыто защищал на процессе Сергея Адамовича Ковалева (не разделяя его взглядов), который был сотрудником его лаборатории, и у него тоже никаких неприятностей не было. В общем, нельзя все годы советской власти красить одним цветом. В те годы, в которые жил я, вполне можно было жить, сохраняя собственное достоинство и не скрывая своих взглядов, если специально не нарываться. Интересно, что мама при Ельцине-Гайдаре стала еще большей диссиденткой, чем при Брежневле, и всецело поддерживала мое участие в обороне Белого дома.

⁸ Бызов Алексей Леонтьевич.

Несколько слов о моих предках по линии бабушки. Ее отец Николай Иванович Фадеев⁹ был преподаватель ремесленного дела, начальник железнодорожных училищ — в Севастополе, Николаеве и потом в Москве. Участник революции 1905 года, друг лейтенанта Шмидта, потом его за это понизили, переводя в Николаев. Мать — Софья Михайловна Симзен¹⁰ — из обедневшей дворянской семьи отдаленно немецких корней. Мой отец — Георгий Петрович — интеллигент в первом поколении, про его семью мне мало что известно, я даже не знаю даты и обстоятельств его смерти. Он был тяжело ранен в декабре 1941 г. под Москвой, был инвалид с не работавшей ногой. Очень редко удавалось с ним пообщаться, чаще всего на пароходных экскурсиях по Волге, несколько дней.

Белый дом — взгляд изнутри

— *События в Белом доме в октябре 1993 года, по мнению экспертов, могли перерасти в гражданскую войну. Пожалуйста, Леонтий, поделись воспоминаниями о происшедшем...*

— Я последний раз выполнил свой социологический долг, проведя опрос депутатов Верховного Совета в июне 1993 года.

В августе 1993 года я пробил назначение [Д.О.] Рогозина советником [Р.И.] Хасбулатова и мы организовали при Высшем экономическом совете группу анализа, результаты работы которой ежедневно докладывались Хасу. Скажу сразу, что я лично никогда не разделял позицию нового белодомовского большинства, я — убежденный социал-демократ, но как демократа меня крайне возмущали нападки на представительную власть, нравится она или нет. Белый дом на несколько лет стал и моим домом, которому я служил верой и правдой, и в тяжелый момент у меня не было колебания, с кем я, и на чьей стороне.

Почти все дни всем памятного противостояния я был в Белом доме. Правда 28 сентября, когда он был обнесен «спиралью Бруно», в три кольца, вход и выход из него были заблокированы, я не смог попасть, и несколько дней все собирались в здании Краснопресненской районной администрации, совсем неподалеку. Я был на том митинге оппозиции 3 октября, когда толпа митингующих пошла к Белому дому, прорвала оцепление и захватила мэрию (здание СЭВ на Арбате). Я попал в Белый дом, где зажегся свет, заработала канализация, а все участники событий поздравляли друг друга с победой и салютовали в небо пробками от шампанского. Пригласили меня ехать и в Останкино, где надо было расчистить поле для выступления [А.В.] Руцкого с призывом к порядку и спокойствию. Откуда я знаю, с чем должен был выступать Руцкой? Дело в том, что текст его выступления я и писал с несколькими коллегами под присмотром Олега [Г.] Румянцева, потом этот текст одобрил Хасбулатов и передал Руцкому. Затем мы получили новое задание: формировать Правительство, точнее дать предложения по его составу. Вспомнив свой последний опрос депутатов, я не колеблясь предложил в премьеры Юрия [В.] Скокова, а в качестве его первого зама — Аркадия [И.] Вольского. И готов поклясться, что

⁹ Фадеев Николай Иванович (1862—1940) родом из Екатеринбурга, выходец из состоятельной семьи. Участник революции 1905 года, организатор в Севастополе забастовки педагогов.

¹⁰ Симзен (Фадеева) Софья Михайловна (1868—1958) — мать Натальи Николаевны Фадеевой (Бызовой), преподаватель французского и немецкого языков. Дворянка, родом из Пензенской губернии.

опять-таки никакого [А.М.] Макашова с [А.П.] Баркашовым мы не предлагали. Это к вопросу о «коммуно-фашистском мятеже», по которому надо ударить «свинцовой метелью»... У меня как социолога нет сомнений, что в случае принятия «нулевого варианта», предлагавшегося в том числе и Олегом Румянцевым, и одновременных выборов представительной и исполнительной власти, с большим запасом прочности победили бы центристы, близкие «Гражданскому союзу», и умеренные демократы типа «ЯБЛОКА». А вовсе не коммунисты и националисты, в том числе и не ЛДПР Жириновского, так как его успех — это реакция общества уже на разлитую в атмосфере агрессию, вызванную «черным октябрем», когда время центристов уже ушло. Огромное количество проблем, с которыми мы сталкиваемся сегодня, всем им начало положено в те роковые дни, когда общество оказалось не способным разрешить вполне естественные противоречия, не прибегая к насилию.

Но... тут опять выключилось электричество. Я вышел на улицу, в начинающиеся сумерки, кончался десятый час вечера. Встретил чуть не плачущего Станислава [С.] Говорухина, только что приехавшего из Останкино: «Там была настоящая бойня, сотни трупов». Обойдя Белый дом, встречаю своего старого приятеля Глеба [О.] Павловского. «К утру будет штурм». «Да, наверное, будет». «Но я остаюсь в Белом доме. Этой мой долг — даже не как бойца, а как аналитика, который должен быть в это время на своем месте».

Мы провели беспокойные ночные часы в огромном кабинете Олега Румянцева на третьем этаже, окна которого выходили на Калининский мост. Проснулись в седьмом часу утра от звуков лопающегося стекла, начался танковый обстрел. Шальные пули сквозь пробитое окно летали по кабинету. Мы перебрались в зал Совета национальностей, где собрались почти все находившиеся в Белом доме. Окна зала были обращены во внутренний дворик и были защищены от пуль. Но... когда начали бить тяжелыми залпами по верхним этажам башни БД, вызвавшими пожар, нас подбрасывало в креслах как при хорошем землетрясении. Кто рассчитал, сколько выдержат перекрытия? И не накроет ли нас вся громада башни, как потом башни-близнецы в Нью-Йорке? Депутаты подбадривали друг друга, пели «Малиновый звон» и «Солнышко лесное», пришел бледный как полотно Руслан Имранович, помолчал минут десять, и ушел так и не проронив слова. Такое прощание с нами.

Ближе к пяти, когда мы уже не чаяли выйти живыми, к нам прорвались бойцы «Альфы». Нас, работников аппарата, выводили по одному через черную лестницу. Я случайно оказался на первом этаже в фойе зала заседаний, и по моему силуэту шарахнули со стороны сада Павлика Морозова. Ближняя мраморная колонна рассыпалась пылью и крошками. «Нет, надо идти в цоколь», — скомандовал альфовец. *В цоколе 20 подъезда, через который меня выводили, и который единственно был разблокирован, располагался своего рода лазарет, и морг, куда стаскивали всех раненых и мертвых — и из БД, и с улицы. 20 подъезд обращен в тыл БД, к парку Павлика Морозова.* Перешагивая через лужи крови, мертвых и раненых, я вышел из здания. На кадрах кинохроники видно, как меня выводят, эти кадры обошли весь мир. Пройдя через много колец оцепления, я оказался на Большой Грузинской улице, в Волковом переулке угодил под обстрел снайперов, свернул к Белорусскому, а потом... поехал к Диме Рогозину докладывать о впечатлениях, вместо того чтобы ехать домой, где меня ждали старенькие мама и тетя, уже не верившие, что я жив.

Так кончился белодомовский этап моей жизни. Впереди меня ждали еще более страшные испытания. А сейчас же я оказался на улице. Мне еще заплатили зарплату за несколько месяцев, но «Гражданский союз», по которому баллотировался Румянцев, и на который я работал в ходе кампании 1993 года, пролетел как известная субстанция над прорубью. Снова все приходилось начинать с нуля, строить заново. В оценках событий «черного октября» я сильно разошелся с самым близким мне социологическим мэтром Леонидом [А.] Гордоном, который был всецело на стороне [Е.Т.] Гайдара. Мне кажется, что потом Леонид Абрамович понял, к концу жизни, что не все здесь столь однозначно. И я очень благодарен моральной поддержке, оказанной мне Димой [Е.] Фурманом, который уже на следующий день после расстрела БД организовал мою пресс-конференцию в здании Института США и Канады. Я встретил всеобщее сочувствие, на которое даже не рассчитывал. Произошел раскол интеллигенции, думающей части общества, и этот раскол не преодолен до сегодняшнего дня.

Катастрофа

— *Мы остановились в 1993 году: крутое время в стране и очередная неопределенность в твоей жизни... что было дальше у тебя?*

— Дальше меня поджидала самая страшная и неожиданная катастрофа, полностью и бесповоротно изменившая мою жизнь. Я попал в автомобильную аварию, получил перелом двух позвонков и стал до конца своих дней инвалидом. Сколько раз я горько сожалел, что не погиб в Белом доме. На миру и смерть красна. Но немного по порядку.

Шел 1993 год, когда в стране был полный бардак, и выхода из него не просматривалось. В научных институтах платили такие зарплаты, что можно было ну разок в буфет сходить, выпить рюмку коньячку с бутербродом, что чаще всего и делали. О том, чтобы жить на зарплату, не могло быть и речи. Мои четверть ставки на философском факультете МГУ, где мы разрабатывали курс «Политологическое исследование», были еще меньше.

Мы с моим старинным другом детства решили на 1 мая сходить в дальний поход на несколько дней, с рюкзаком и палаткой, посидеть на Клязьме в районе Мурома, на какой-нибудь старице, порыбачить, посидеть у костра и отдохнуть от минувшей зимы со всеми ее приключениями. Ранним еще темным утром мы сошли на станции Селиваново во Владимирской области и решили к рассвету добраться до речки. Пустое, совершенно безлюдное шоссе, ни одной машины. Прошли километра два по левой обочине и (я этот момент не помню, так как потерял сознание) мне в спину врезается на полном ходу грузовик с вдребадан пьяным шофером, из местных, который ехал домой с пасхального застолья. Меня отбросило в кусты метров на пятнадцать, и все думали, что я мертв. Я очнулся от ощущения, что у меня отнимаются ноги. Приятель остановил случайную машину, попросил сообщить о происшедшем на ближайшем блокпосте, вызвали скорую, отвезли в Селивановскую райбольницу, где я снова впал в забытие. Диагностировали переломо-вывих двух позвонков.

С огромным трудом переправили во Владимирскую больницу, а еще через неделю, в Москву, в ЦКБ, к которому я все еще был приписан как работник аппарата

Верховного Совета. Еще через две недели — в специализированную клинику при одной из московских больниц. А тем временем началась двусторонняя пневмония. В общем меня прооперировали только в конце июля, я две недели лежал в реанимации потом в ногах стали появляться движения, и в начале ноября, когда меня выписали домой, я уже ходил с одной палочкой. И начал постепенно возвращаться к жизни. А ведь это несчастье произошло, когда я был на улице, безработный, без всяких денежных запасов и средств к существованию.

Чтобы больше не возвращаться к этой теме, скажу, что я «побежал» после этой травмы лет девять-десять, не без труда, но ходил, пользовался общественным транспортом, и объехал всю страну, занимаясь избирательными кампаниями от Якутска до Калининграда. Но после 2002 года состояние моего здоровья стало медленно, но неуклонно ухудшаться. Врачи диагностировали развитие кисты в спинном мозге, «гидромиелии», такая громадная полость, заполнявшаяся жидкостью, которая все сильнее давила на нервные центры и лишала меня возможности двигаться. С одной палочки я перешел на два костыля, потом на ходунки, потом... Всю минувшую зиму 2016—17 гг. я провел в больницах, перенес тяжелейшую и дорогостоящую операцию на спинном мозге в Институте Бурденко, а сейчас дома пытаюсь хоть как-то восстановиться, не знаю, что получится. Хорошо, что в век интернета можно многое делать сидя дома. Но... прежнему стилю жизни, когда я успевал в день в двадцать мест, пришел конец. Сузился круг друзей и знакомых, кто-то вообще исчез из моего поля зрения, появились новые знакомые, и я лично считаю, что прошедшие два десятилетия с лишним, которые я живу со сломанным позвоночником, я прожил не зря, многое сделал, написал, многое посмотрел. Но сколько бы я еще сделал, если бы был цел, и если бы ежедневная борьба с недугом, болями не отнимала столько сил. Итак, минувя несчастный для меня год 1994, мы сразу переносимся в весну следующего 1995 года, когда у меня появилась новая работа, новое поприще, в которое я погрузился в меру оставшихся сил.

Музыка — любовь всей жизни...

Выше было два упоминания о роли музыки в жизни Леонтия Бызова, она пришла к нему в детстве, в семье, и сопровождала его всю жизнь. Уже больной, лишенный возможности общения с живой музыкой, он слушал записи и активно участвовал в дискуссиях о классической музыке. Все это позже он собрал в публикации «О музыке, поэзии и всем остальном»¹¹, некоторые из этих заметок вошли в его книгу. По ходу рассказа о своей жизни Леонтий как-то заметил, что старался ежедневно посещать консерваторию, так возник мой следующий вопрос:

— *Ежевечерняя консерватория — это продолжение детских, юношеских занятий музыкой, просто любовь хорошей музыки или форма ухода от тяжелой повседневности и разных мыслей?*

— Напомню, что дома постоянно звучала музыка, но в достаточно ограниченном репертуаре. Ранний Бетховен, Моцарт, Шуберт, Григ, Чайковский. Баха, если и слушали, то скорее из вежливости, считалось, что это скучная музыка, такая как гаммы или этюды Черни. Мой троюродный брат пианист и клавесинист Александр

¹¹ Бызов Л. О музыке, поэзии и всем остальном / Проза.Ру. URL: <https://www.proza.ru/2011/09/14/1277> (дата обращения: 09.08.2019).

Майкапар постоянно давал концерты в Гнесинке, часто со своей подружкой Ниной Бейлиной, выдающейся скрипачкой, ученицей Ойстраха, на клавесине и на рояле. На его концерты собирались все многочисленные родственники. Когда я ходил еще школьником, то допустим, в первом отделении ХТК (Хорошо темперированный клавир) Баха можно было подремать, а вот во втором — скрипичная соната Бетховена, это знакомая музыка, которую хотелось слушать. К Баху мои уши тогда еще не привыкли. Также никогда у нас дома не звучала и музыка XX века. Все кончалось Рахманиновым.

Поэтому я стал все осваивать, новые для меня музыкальные пласты. От увлечения Вивальди и Шопеном, к Баху, позднему Бетховену, потом Малеру и Брукнеру, Прокофьеву и Шостаковичу, к Брамсу и Стравинскому. Хотелось слушать все, и сама атмосфера Большого зала, особый запах, любимые места в амфитеатре... На концерты, например, Станислава Нейгауза собиралась вся Москва, в том числе и диссидентская, потому что в нем, пасынке Пастернака, видели (слышали) глоток тайной свободы, так же, как и в Рихтере. А вот на концерт сейчас признанного великим Лазаря Бермана, помню, пришла горстка людей, его просто никто не знал. Кроме самой музыки меня как начинающего социолога страшно интересовала вот эта незримая связь между исполнителем и публикой, наличие или отсутствие какого-то нерва. Меня все знали в Большом зале и часто пускали даже без билета, я стал как бы талисманом, напротив все удивлялись, если я что-то пропускал. Сейчас я постоянный участник некоторых музыкальных форумов, и из своей переписки с Михаилом Казиником, известным популяризатором и музыковедом, я даже хотел собрать целую книгу. Мой любимый пианист — легендарный Гленн Гულд.

Мне очень хотелось сделать работу, в каком-то смысле в русле идей Т. Адорно, о социологии музыки, точнее о том ее содержании, которое касается тайной оборотной стороны нашего бытия. Музыка — это откровение, композитор заглядывает в «то окошко» и передает увиденное на языке музыки, и эту связь надо расшифровать. Как-то постараться перевести на человеческий язык. Сегодня в «том окошке» пустота, время великой музыки, возможно, прошло (я не оригинален здесь, об этом постоянно пишет и композитор В. Мартынов), и это для меня более значимое свидетельство близкого завершения земной судьбы человечества, чем, возможно, другие грозные признаки того же. Если бы мне дали еще одну жизнь в социологии, я бы не занимался политикой и опросами общественного мнения, а занялся бы исключительно социологией культуры. Расшифровкой того послания, которые несут нам композиторы своей музыкой.

Да, вот еще вспомнил. Работая у Гаврильца, я штудировал работы Абраама Моля, «Социодинамика культуры» и «Теория информации и восприятие музыки». С позиций моего сегодняшнего понимания, я их решительно не принимаю. Попытка мерить количество информации, передаваемой текстом, вне анализа его содержания, является худшим проявлением «квантофрениии», ведь музыка — это шифр, зашифрованная информация, а ключ к этому шифру лежит в той части нашего сознания, которая отвечает за связь с высшей формой бытия. По Молю получается, что музыка Моцарта — самая простая и предсказуемая, несет наименьшее количество информации, и именно потому столь популярна. А скажем музыка П. Хиндемита в разы более информативна. Ну это если рассматривать

музыкальный текст как последовательность значков, совершенно игнорируя стоящий за ними смысл. Нет, долой Моля, долой теорию информации, это дорога «явно не туда».

Что же до литературы, после того как в юношеском возрасте перечитал все, до чего дотянулся, чтение нового стало идти с большим скрипом. Пожалуй, последнее что я освоил из нового уже в зрелом возрасте значительное — это Томас Манн и Марсель Пруст. И еще проза Андрея Белого. Другое дело — поэзия, которой я придаю гораздо большее значение. «Моя» поэзия — это Серебряный век, растянувшийся от Блока и Иннокентия Анненского до Бродского. В свое время я выучил наизусть еще школьником всего Блока, мог подряд продекламировать все три тома. Ну, потом, конечно, Мандельштам, Кузмин, Ахматова, Пастернак, Клюев, Белый, Случевский, Заболоцкий — все это то, с чем я живу постоянно, пища на каждый день. Попытался сам делать переводы Эдгара По и Бодлера. И в живописи я обожаю Серебряный век, и наш, и европейский. Сомов, Сапунов, Врубель, французские импрессионисты, Моне, Сезанн — это все тоже мое, без чего невозможно жить.

***

«...Это все тоже мое, без чего невозможно жить». Какие сильные и трудные слова... Конечно, их нелегко было произносить...

Катастрофа изломала физически Леонтия Бызова, но не сломила его дух, его способность к анализу сложных социальных процессов, сохранила его стремление к углубленному проникновению в мир прекрасного: музыку, поэзию. Он работал и жил до последних дней...

Таким мы его и запоем.

Список литературы (References)

Бызов Л. Г. Поиски, потери, возвращения. Мой путь социолога. М. : Новый хронограф, 2018.

Докторов Б. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. [http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol\(1\).pdf](http://socioprognoz-ru.1gb.ru/files/File/2018/2013History-Soviet-Sociol(1).pdf).